
**ТЕМА НОМЕРА: РЕВОЛЮЦИОННЫЕ
И КОНСЕРВАТИВНЫЕ ТРЕНДЫ В РОССИЙСКОЙ
ПОЛИТИКЕ И ЭКОНОМИКЕ**

УДК 94(470)

ФАКТОРЫ РЕВОЛЮЦИИ: КОНЦЕПТ «ИДЕАЛЬНОГО ШТОРМА»

Расторгуев Сергей Викторович,

д-р полит. наук, профессор Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
SRastorguev@fa.ru

Аннотация. В статье представлен анализ факторов революции в России в 1917–1934 гг. Выделены и проанализированы фундаментальные и переменные факторы исторического процесса: демографический, технологический, внешнеполитический, культурный. Автор обосновывает применение для объяснения революционных процессов концепта «идеальный шторм». Он позволяет понять революционные события как результат сочетания необходимых и случайных процессов. В итоге автор делает вывод о стохастическом характере факторов революций.

Ключевые слова: революция; факторы; синергетический эффект; стохастический процесс.

FACTORS OF THE REVOLUTION: THE CONCEPT OF THE “PERFECT STORM”

Rastorguev S.V.,

*Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science,
Financial University, Moscow, Russia*
SRastorguev@fa.ru

Abstract. The article presents an analysis of the factors of the revolution in Russia in 1917–1934. The fundamental and variable factors of the historical process have been singled out and analyzed: demographic, technological, foreign policy, and cultural. The author justifies the application of the concept of “perfect storm” to explain the revolutionary processes. It allows us to understand revolutionary events as a result of a combination of necessary and random processes. As a result, a conclusion is drawn about the stochastic nature of the factors of revolutions.

Keywords: revolution; factors; synergetic effect; stochastic process.

В отличие от естественных, технических наук и математики в социальных науках исследователи постоянно сталкиваются с проблемой выявления и объяснения причин (факторов) происходящих или уже произошедших общественных событий большого масштаба, к которым можно отнести Великую русскую революцию первой трети XX в. Использование данной хронологической рамки связано с разнообразием попыток осмысления системной трансформации всех сфер жизни российского общества с момента первого революционного кризиса 1905 г. до середины 30-х гг., когда после массовой коллективизации и установления единоличной власти И.В. Сталина

советская Россия перешла на новый системный этап своего развития. В связи с этим, опираясь на принципы историзма и сравнительного анализа, концептуальные схемы исследователей теории революций в парадигмах марксизма, теории модернизации, факторного анализа и используя доступный науке исторический материал, можно провести изучение причин (факторов) системной трансформации России, получившей наименование «Великая русская революция».

Автор придерживается мнения, что Великую русскую революцию, в широком смысле слова перевернувшую систему и структуры политической власти, экономики, социальной жизни, векторы

развития институтов культуры, следует датировать периодом 1917–1934 гг. Нижняя дата привязана к февральским и октябрьским переворотам 1917 г., которые, в отличие от событий 1905–1907 гг., не привели к сохранению прежнего режима и проведению *реформ* по модернизации традиционного общества. Перевороты 1917 г. открыли дорогу **революции**.

Верхняя граница условна, как и большинство исторических дат, фиксирующих непрерывный процесс изменений. Однако символический XVII съезд ВКП (б), известный как «Съезд победителей», подвел важную черту под революционными преобразованиями промышленности (окончание первой пятилетки) и сельского хозяйства (коллективизация). Эти события ознаменовали ускоренный переход к индустриальному обществу, урбанизации. Они сопровождались ликвидацией частной собственности, миллионов крестьянских хозяйств и массовыми репрессиями по формально социально-экономическому принципу (ликвидация кулачества как класса). На рубежный характер 1933–1934 гг. указывали российские историки М.Я. Гефтер [1] и О.В. Хлевнюк [2]. А американский политолог Дж. Голдстоун рассматривал события коллективизации как вторую радикальную фазу русской революции [3].

Вероятно, социальные науки в силу специфики предмета и методологии исследования для объяснения крупных исторических процессов будут применять многофакторные модели, состоящие из двух групп факторов, которые можно условно обозначить как «постоянные»/«фундаментальные» и «переменные»/«дополнительные». К фундаментальным факторам можно отнести демографические колебания (демографические циклы), технические инновации, внешние влияния [4]. Целесообразно дополнить представленные три фундаментальных фактора из социальной, экономической, политической сферы фактором культурной сферы (который условно может быть обозначен как «ментальная динамика») — эмпирически измеряемой шкалой целеполагающих и ценностных ориентаций в институтах традиции, религии, идеологии, искусства, науки, образования. Вторую, дополнительную группу факторов представляют разнообразные ситуативные, субъективные элементы, которые могут принимать разные формы: от особенностей харизматической личности революционного вождя до климатических катаклизмов, от «способности революционных классов к массовым действиям» (В.И. Ленин) до синхронизации и наложения про-

странственно-временных процессов, преобразующих революционную ситуацию в революцию.

Автор предлагает для объяснения осуществления коренных изменений во всех сферах жизни общества в период 1917–1934 гг. использовать концепт «синергия факторов» или аналогию с фразеологизмом «идеальный шторм». Под «идеальный штормом» (perfect storm) понимается ситуация, сложившаяся в результате сочетания нескольких неблагоприятных факторов, которые взаимно усиливают разрушительный эффект. Для политической и экономической элиты царской России (элиты модернизирующегося традиционного общества), не сумевшей дать адекватный ответ на исторический вызов, революционные события 1917–1920 гг. явились «идеальным штормом». Продолжая и углубляя революцию после периода НЭПа, несостоявшегося «русского термидора», руководство ВКП (б) и СССР осуществило «революцию сверху» по отношению к самой многочисленной группе страны — крестьянству. Две фазы большевистской революции произошли именно в такой форме — в результате синергии факторов или «идеального шторма».

В отличие от природных процессов общественные тренды и вызывающие их факторы (даже фундаментальные) с большой долей условности можно характеризовать как объективные. Демографические колебания, технические инновации, внешние влияния, «ментальная динамика» осуществляются в ходе «истории повседневности», четырех веберовских форм социальных действий: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное, аффективное (может быть, к демографическим циклам это относится в меньшей степени). Объективные факторы создаются суммой социальных взаимодействий отдельных субъектов, больших и малых социальных групп, а также — внешней политикой государств. Дополнительные/переменные факторы представляются еще менее объективными, индивидуализированными, субъективными. В качестве примера можно привести дискуссионный вопрос о роли личности в истории и цитату из дневника одного из непосредственных вождей революции Л.Д. Троцкого. 25 марта 1935 г. он записал: «Не будь меня в 1917 г. в Петербурге, Октябрьская революция произошла бы — при условии наличности и руководства Ленина. Если бы в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции: руководство большевистской партии помешало бы ей свершиться... Если б в Петербурге не было Ленина, я вряд ли справился бы... исход революции оказался бы под знаком вопроса. Но,

повторяю, при наличии Ленина Октябрьская революция всё равно привела бы к победе» [5].

Демографические колебания, а конкретно, демографический взрыв, увеличение доли молодежи в структуре населения оказывают воздействие на рынок труда, потребительский рынок, потенциал протестной активности. Неспособность существовавших в царской России экономических структур «трудоустроить» избыточное сельское население в городе, невозможность переместить избыток населения на окраины (колонизация) и за границу (эмиграция) привели к росту бедности.

В России в начале XX в. сложилась весьма необычная диспропорция: за Уралом (Сибирь и Дальний Восток, отчасти современный северный Казахстан) находилось большое количество пустых, годных для сельскохозяйственной деятельности земель. Эти земли чаще всего имели статус казенных, кабинетских, удельных, т.е. принадлежали не частным лицам, а государству и императорской семье. В центральной России в результате демографического взрыва сложился избыток рабочей силы в аграрном секторе. Однако до столыпинской аграрной реформы 1906–1914 гг. колониционный отток искусственно сдерживался институтом общины и нежеланием дворян-землевладельцев (правящей элиты) лишаться дешевой рабочей силы и высоких арендных платежей.

В ходе столыпинской аграрной реформы правящая элита предприняла достаточно энергичные меры для решения проблемы перенаселения/бедности/протестной активности — развитие института частной крестьянской собственности с ограничением традиций общины и переселение колонистов на восток империи. Не ставя под сомнение благотворное влияние переселения на социально-экономическое развитие зауральских территорий, следует констатировать факт — продолжающийся демографический рост в центре перекрыл эффект внутренней миграции. В среднем только каждый десятый крестьянин вышел из общины с собственным наделом, предпочтя фермерский тип хозяйства. Обнаружилось, что основная масса крестьянства центральной России предпочитает общинный институт как гарант уравнилительной справедливости, стабильную бедность по месту жительства — неясной перспективе разбогатеть на больших земельных участках с использованием кредитов после 8–10 лет тяжелого труда в Сибири.

Таким образом, быстрый и локализованный рост сельского населения при невозможности увеличить доходы приводил к усилению бедности, выход из ко-

торой крестьяне-общинники (не только бедняки, но и середняки) видели в захвате помещичьих земель. Признавая объективный характер демографического роста как фактор революции, следует отметить, что в случае большего успеха столыпинской аграрной реформы (например, наращивание в мирное время в течение 20 лет более высоких темпов индустриализации и т.д.) данный фактор системного кризиса мог быть в определенной степени сглажен. Это хорошо понимал лидер радикальной несистемной оппозиции В.И. Ленин: «Насильственное раздробление общины законами 9 ноября 1906 г. и т.п., насаждение хуторов и субсидирование отрубного хозяйства, — это вовсе не мираж, как иногда говорят легкомысленные болтуны демократической журналистики, это — реальность экономического прогресса на почве сохранения помещичьей власти и помещичьих интересов. Это путь невероятно медленный и невероятно мучительный для самых широких масс крестьянства и для пролетариата, но этот путь есть единственно возможный путь для капиталистической России, **если не победит крестьянская аграрная революция**» [6].

Технические инновации обусловили последний этап Великой русской революции — объективная потребность модернизации промышленности на новом технологическом уровне форсированными темпами привела к двум взаимосвязанным процессам: индустриализации и коллективизации. В годы первой пятилетки (1928–1933 гг.) были построены крупные, системообразующие предприятия электроэнергетики, черной и цветной металлургии, тяжелого и транспортного машиностроения; военные заводы. Передовая техника и технологии, специалисты-инженеры импортировались из наиболее развитых промышленных стран — США и Германии. Форсированная индустриализация потребовала коренной ломки структуры народного хозяйства и отношений собственности. Государству требовалось получить продовольственные ресурсы деревни по заниженным ценам, чтобы организовать снабжение городского населения и экспортировать продовольствие для закупки импортной техники. Для обеспечения регулярной поставки дешевого продовольствия государству, внедрения машинного труда в сельском хозяйстве, высвобождения части избыточных трудовых ресурсов из деревни была проведена коллективизация сельского хозяйства.

Индустриализация и коллективизация привели к фундаментальным, революционным переменам. В деревне фактически было ликвидировано частное землепользование, осуществлена экспроприация

собственности зажиточных крестьян и крестьян-середняков. В русле концепции «обострения классовой борьбы при построении социализма» руководители большевистской партии и советского государства внесли искусственный раскол в объективно существующее противоречие между зажиточными и бедными крестьянами, фактически развязывая классовую борьбу в деревне. И. В. Сталин в 1928 г. отметил: «...по мере нашего продвижения вперед, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а Советская власть, силы которой будут возрастать все больше и больше, будет проводить политику изоляции этих элементов, политику разложения врагов рабочего класса, наконец, политику подавления сопротивления эксплуататоров, создавая базу для дальнейшего продвижения вперед рабочего класса и основных масс крестьянства» [7]. Данная концепция, наряду с осмысленным наименованием 1929 г. в качестве года «великого перелома», свидетельствует о продолжающемся процессе революции, нацеленной на замену капиталистических элементов (НЭП) государственным социализмом.

В результате коллективизации («революция сверху») миллионы крестьян были депортированы, расстреляны за участие в восстаниях, умерли от голода. Спасаясь от коллективизации, миллионы крестьян уходили в город, где становились пролетариями в первом поколении, формируя маргинальную массу — они утратили связь со своей социальной группой и с трудом адаптировались к новым условиям. Деревня получила сельскохозяйственную технику, сконцентрированную в государственных машинно-тракторных станциях, обобществление средств производства (земля, скот, техника) и новые производственные отношения. Члены Политбюро ЦК ВКП (б) Н. И. Бухарин и А. И. Рыков характеризовали установленную в ходе коллективизации форму взаимоотношений государства и деревни как «военно-феодалную эксплуатацию крестьянства», «дань на крестьянство» [8]. Одновременно ими была подчеркнута нарастающая тенденция отхода от практики коллективного руководства, официальное отождествление И. В. Сталина с партией и ЦК ВКП (б), что после завершения Великой русской революции в 1934 г. ознаменовалось утверждением единоличной диктатуры.

Таким образом, технологический фактор оказал значительное влияние на процесс революции. Реализация установки на ускоренное развитие отраслей группы «А» за счет государственных инвестиций привела к изменению производственных отно-

шений в аграрном секторе России, ликвидации частного сектора в промышленности, ускорила процессы урбанизации, миграции. Потребовалась перестройка системы начального, среднего и высшего образования — с одной стороны, в связи с потребностью в кадрах для модернизирующейся экономики, с другой стороны, для установления идеологического контроля над обществом, которое прошло последнюю стадию революции. Индустриализация, коллективизация и культурная революция стали всемирным эталоном по созданию социально-экономической и культурной модели советского типа.

Внешний фактор оказал непосредственное воздействие на первый этап Великой русской революции 1917–1920 гг. Неудачи русской армии в ходе Первой мировой войны наложились на непонимание и отторжение значительной частью «солдат-крестьян» провозглашенных целей войны. Первое проявилось в потере территории и больших человеческих жертвах, второе — в массовой сдаче в плен, дезертирстве, отказе выполнять приказы офицеров. Царский режим сделал все возможное для мобилизации населения и экономики России в рамках традиционного общества. Но в условиях обострения внутренних противоречий (перенаселение центра и бедность), появления новой социальной группы — вооруженные «солдаты-крестьяне», непривлекательности конечных целей войны (приобретение черноморских проливов, верность союзническому долгу), внутриэлитных конфликтов царский режим не смог позиционировать участие России в Первой мировой войне как справедливую защиту Родины, православия, российских ценностей.

Внешнеполитический курс Временного правительства, которое пришло к власти на волне антивоенных и антипомещичьих настроений, выраженных лозунгом «Мира и земли!», вероятно, следует объяснять «тайной дипломатией» и масонскими связями с французской и английской элитами. Исторические материалы свидетельствуют, что члены Временного правительства располагали всей необходимой информацией о положении на фронте и в деревне и ясно осознавали последствия затягивания решения вопросов о земле и мире. Однако вопреки прагматичному подходу из-за взятых на себя обязательств перед союзниками лидеры Временного правительства продолжили войну и передали инициативу разрешения двух главных проблем в руки радикальной оппозиции в лице партии большевиков.

Внешнеполитический фактор способствовал не только падению царизма и Временного правительства, но и победе большевиков, начиная с транзита В.И. Ленина из Швейцарии и Л.Д. Троцкого из США и Канады в Россию. Заключение в марте 1918 г. сепаратного мира с Германией позволило революционной партии в обмен на территории и репарации сохранить власть. Истощение стран — участниц Первой мировой войны в 1918–1920 гг. наряду с противоречиями между ними не позволили организовать полноценную интервенцию против советской России, что дало ей возможность одержать победу в Гражданской войне. При этом можно предположить, что исходя из принципа «разделяй и властвуй», представители западной элиты могли желать временной победы большевикам в ходе Гражданской войны как альтернативы восстановления «единой неделимой России» по плану белогвардейских генералов.

После окончания Гражданской войны в России внешний фактор не утратил своего значения для революционных процессов, прерванных НЭПом, но его форма трансформировалась. Как уже упоминалось ранее, на последнем этапе революции 1928–1934 гг. СССР получил технику (фактор-ресурс революционного процесса) из США и Германии, что позволило завершить коренные изменения в экономике страны и изменить ее социальную структуру. Став центром мирового коммунистического движения, СССР, в свою очередь, стал оказывать влияние на внутриполитические процессы в странах Европы и Азии, создавая позитивный имидж первого социалистического государства, заместив образ царской России как защитницы православных христиан мессианским образом защитницы всех угнетенных земного шара.

Четвертым фундаментальным фактором революции является «ментальная динамика», которая в первую очередь связана с коренным изменением мировосприятия, заменой религиозной парадигмы светской идеологической парадигмой, становлением системы массового образования, взрывным ростом новых направлений искусства, науки, спорта. Модернизация общества в форме революции предполагает лишение института церкви имущества, возможности легитимизировать новую власть, права влиять на вопросы образования и юриспруденции. Теоцентрическая картина мира в широких массах заменяется научной картиной мира, первоначально в достаточно «вульгарной», упрощенной форме. Заме-

щение религиозных догматов светскими идеями в виде социалистического и либерального атеизма, обыденного агностицизма началось до 1917 г. Оно идейно подготовило радикальные группы и массы (в большей степени — городские, в меньшей — сельские) к коренной ломке социальных институтов религии, морали, семьи, собственности, государства и др.

«Ментальная динамика» обусловила целенаправленную, экспериментаторскую деятельность по созданию нового человека. В 20-е гг. классическая система начального и среднего образования была заменена экспериментальной системой, основанной на новой науке — педологии. В работах А. Эткинды аргументируется значительное влияние школы психоанализа З. Фрейда на советскую педологию, которую до конца революции поддерживали руководители партии и государства в лице Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина, А.В. Луначарского, А.М. Коллонтай. «Молодежь, беженцы, выдвигенцы чувствовали вакуум моральных норм, понятных и чем-то оправданных стандартов действий в межличностной, семейной, даже и в профессиональной сфере. Современное науковедение связывает периоды расцвета таких наук, как психоанализ, социальная психология, сексология именно с эпохами общественных ломок, когда место традиционных норм и регуляторов поведения — религии, права, традиций оказывается вакантным и заполнять его спешно приходится науке» [9].

В городах в 20-е гг. вследствие изменения социального состава населения в годы Гражданской войны и послевоенной миграции, кризиса традиционных норм, а также целенаправленной политики интеллектуальных лидеров партии и государства той эпохи шел процесс кризиса института семьи. Регистрации и расторжения брака проходили в упрощенном порядке, впервые в мире были легализованы аборт (1920 г.), в городах создавались дома-коммуны рабочей молодежи. Публицистические и художественные труды А.М. Коллонтай могут рассматриваться как первая в мире попытка пропаганды феминизма и свободной любви, которые в 1960-е гг. на западе получили наименования «сексуальная революция» [10]. В дополнение к этому следует упомянуть, что с 1922 по 1934 г. в уголовном кодексе союзных республик отсутствовала статья за мужеложство (гомосексуализм), что хронологически соответствовало декриминализации данной статьи во Франции, Италии, Бельгии, Нидерландах, Турции

при сохранении уголовного преследования в большинстве других стран Европы, Азии и Северной Америки.

Революционные эксперименты в литературе, искусстве, архитектуре, живописи, театре, кинематографе, с одной стороны, явились продолжением новаторства Серебряного века, с другой стороны, стали воплощением интеллектуального поиска новых форм нового социалистического общества. Многообразие и экспериментаторству был положен конец в 1932–1934 гг., когда А. М. Горький официально провозгласил принудительное доминирование социалистического реализма как единого стиля во всех видах искусства, а независимые сообщества деятелей культуры были заменены зависимыми от государства союзами. В 20-е гг. в городах при профессиональных союзах и предприятиях создаются спортивные команды по разным видам спорта, одной из популярных форм досуга горожан становятся физкультура и спорт. В 1928 г. проводится первая всесоюзная Спартакиада, в 1931 г. впервые сдаются нормы ГТО. Таким образом, физкультура и спорт как формы проведения досуга индустриального общества меняли традиционный образ жизни горожан СССР.

Для достижения конечных целей революции фундаментальные факторы должны дополняться переменными, работающими в том же направлении (сонаправленные векторы). «Идеальный шторм» предполагает ситуацию социального взаимодействия значительного количества акторов, в которой фундаментальные и переменные факторы предстают как сонаправленные векторы, обладающие большей длиной, чем противоположно направленные. В «идеальном шторме» система оказывается выведенной из равновесия, социальные взаимодействия разрушают привычные практики, закрепленные в виде социальных институтов. Создаются новые социальные институты, отрицающие прошлые формы деятельности.

К переменным факторам, по мнению автора, прежде всего, следует отнести наличие в руководстве революционной оппозиции харизматических лидеров: П. Н. Милюкова, А. Ф. Керенского — во Временном правительстве, В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого — в период октябрьского переворота и Гражданской войны, а также — организационный талант И. В. Сталина второй половины 20-х — первой половины 30-х гг. Харизматических лидеров и организаторов не следует рассматривать лишь как субъективных проводников объективных процессов, поскольку их представления

о сущем и должном оказывало непосредственное воздействие на преобразования общества. Классический марксистский подход к определению роли личности в истории, сформулированный В. Г. Плехановым, как раз акцентирует значение случайности в рамках необходимости. «Характер личности является „фактором“ общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения. ...Обусловленная организацией общества возможность общественного влияния личностей открывает дверь влиянию на исторические судьбы народов так называемых случайностей... смерть Мирабо повлияла на дальнейший ход революции и вошла в число причин, обусловивших его собою... В науке мы имеем дело только с „конечным“; поэтому можно сказать, что во всех процессах, изучаемых ею, есть элемент случайности. Не исключает ли это возможности научного познания явлений? Нет. Случайность есть нечто относительное. Она является лишь в точке пересечения необходимых процессов» [11].

Теоретик и практик социалистической революции В. И. Ленин отмечал в качестве субъективного фактора революционной ситуации «способность революционных классов к массовым действиям», что возможно только при наличии партии с революционной теорией [12]. Без организующего и вдохновляющего начала сверху невозможно трансформировать разрозненные протестные действия, стихийные инициативы снизу в победу революции. Организационный и идеологический ресурс партии, определяющей место и время активных действий, стратегию и тактику постановки и реализации целей, представляется трудноизмеримым переменным фактором. Именно через партию/группу харизматическая личность проводит в жизнь свои идеи.

Можно предположить, что число переменных факторов, создавших «идеальный шторм» в революциях XX в. в Китае, Египте, Иране, на Кубе будет отличным от Великой русской революции с поправкой на специфику времени и культуры. Революция как коренное и насильственное изменение всех сфер общественной жизни по своим причинам представляется многофакторным, стохастическим (вероятностным) процессом. Изучение фундаментальных и переменных факторов прошедших революций позволяет исследователю с определенной долей вероятности прогнозировать развитие политической ситуации в настоящем и будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М.: Прогресс, 1991. С. 260–261.
2. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 238.
3. Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение / пер. с англ. А. Яковлева. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 52.
4. Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. С. 10–35.
5. Троцкий Л.Д. Дневники и письма. URL: <https://knigogid.ru/books/18650-dnevniki-i-pisma/toread/page-26> (дата обращения: 11.09.2017).
6. Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции. ПСС. М.: Издательство политической литературы, 1973, Т. 16. С. 266.
7. Сталин И.В. Об индустриализации и хлебной проблеме: Речь на Пленуме ЦК ВКП (б) 9 июля 1928 г. Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 171–172.
8. Из заявления Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и М.П. Томского Объединенному заседанию Политбюро ЦК ВКП (б) и Президиума ЦКК. 9 февраля 1929 г. Сборник. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы Т. 1. май 1927 — ноябрь 1929. М.: РОССПЭН, 1999. С. 530–537.
9. Эткин А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб.: Издательский дом «Медуза», 1993. С. 159–212.
10. Коллонтай А.М. Любовь и новая мораль // Философия любви. Ч. 2. Антология любви. М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 323–334.
11. Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории. URL: <http://www.politpros.com/journal/read/?amp&ID=600> (дата обращения: 11.09.2017).
12. Ленин В.И. Крах II Интернационала ППС. М.: Издательство политической литературы, 1969, Т. 26. С. 219.

REFERENCES

1. Gefter M. Ja. Of those and these years [Iz teh i jetih let]. Moscow, Progress, 1991, pp. 260–261 (In Russ.).
2. Hlevnjuk O.V. Politburo. The Politburo. Mechanisms of political power in the 30s [Mehanizmy politicheskoj vlasti v 30-e gody]. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 1996. pp. 238 (In Russ.).
3. Goldstoun Dzh. Revolutions. A very brief introduction [Revoljucii. Ochen' kratkoe vvedenie]. Per. s angl. A. Jakovleva. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2015, pp. 52 (In Russ.).
4. Nefedov S.A. Factor analysis of the historical process. History of the East [Faktornyj analiz istoricheskogo processa. Istorija Vostoka]. Moscow, Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 2008, pp. 10–35 (In Russ.).
5. Trockij L.D. Diaries and letters [Dnevniki i pis'ma]. Available at: <https://knigogid.ru/books/18650-dnevniki-i-pisma/toread/page-26> (Accessed 11 September 2017) (In Russ.).
6. Lenin V.I. The agrarian program of Social-Democracy in the first Russian revolution [Agrarnaja programma social-demokratii v pervoj russkoj revoljucii]. PSS. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1973, vol. 16, pp. 266 (In Russ.).
7. Stalin I.V. On industrialization and the grain problem: Speech at the Plenum of the Central Committee of the CPSU (B) on July 9, 1928 [Ob industrializacii i hlebnoj probleme: Rech' na Plenume CK VKP (b) 9 ijulja 1928 g]. Sochinenija, vol. 11. Moscow, 1949, pp. 171–172 (In Russ.).
8. From the statement of N.I. Bukharin, A.I. Rykov and M.P. Tomsk Joint Meeting of the Politburo of the Central Committee of the CPSU (b) and the Presidium of the Central Control Commission. February 9, 1929 [Iz zajavlenija N.I. Buharina, A.I. Rykova i M.P. Tomskogo Ob#edinennomu zasedaniju Politburo CK VKP(b) i Prezidiuma CKK. 9 fevralja 1929 g.] Sbornik. Tragedija sovetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. Dokumenty i materialy Tom 1. maj 1927 — nojabr' 1929. Moscow, ROSSPJeN, 1999, pp. 530–537 (In Russ.).
9. Jetkind A. Eros of the impossible. The history of psychoanalysis in Russia [Jeros nevozmozhnogo. Istorija psihoanaliza v Rossii]. St. Petersburg, Izdatel'skij dom «Meduza», 1993, pp. 159–212 (In Russ.).
10. Kollontaj A.M. Love and a new morality // The philosophy of love [Ljubov' i novaja moral' // Filosofija ljubvi]. Chast' 2. Antologija ljubvi. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1990, pp. 323–334 (In Russ.).
11. Plehanov G.V. To the question of the role of the individual in history [K voprosu o roli lichnosti v istorii]. Available at: <http://www.politpros.com/journal/read/?amp&ID=600> (Accessed 11 September 2017) (In Russ.).
12. Lenin V.I. The collapse of the Second International [Krah II Internacionala PPS]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1969, vol. 26. pp. 219.